

Вениамин Хегай

Нарвегия

Остросюжетная фантастика

Вениамин Александрович Хегай

Нарвегия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189382

SelfPub; 2018

Аннотация

Любовь. Насколько неисповедимы её пути! Иногда она возникает в таких ситуациях, когда думать, кажется, можно лишь о том, как остаться в живых!.. Госслужащий Леонид узнаёт страшную тайну – и теперь от его действий зависит жизнь миллионов людей. Он старается добраться с добытой информацией туда, где сможет предать её в надёжные руки – к тем Организациям и Структурам, что могут реально помочь гражданам его страны. За ним охотятся спецслужбы его страны. Тут ему и встречается женщина, которая искренне хочет помочь. Погони, перестрелки, страх за себя и напарницу. И, разумеется, вспыхнувшие внезапно чувства... Будет ли финал счастливым?..

Содержание

Нарвегия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Нарвегия

Все имена, названия и события вымышленные. Любые совпадения являются случайными.

Волна накрыла Леонида в два тридцать восемь.

Именно эти цифры стояли в углу экрана, когда его словно ударили невидимой подушкой, грудь сдавило огромной волосатой лапой, и в левой половине, за рёбрами, началась острая боль – как будто туда засунули раскалённый прут, и ещё и проворачивают...

Эринит, к счастью, оказался под рукой.

Собственно, он и всегда в последние годы был у Леонида под рукой – с учётом специфики работы, и того факта, что «инфаркт помолодел».

Поэтому он, стараясь не дышать, и не делать резких движений, достал старинный круглый цилиндрок, (неизвестно, каким чудом сохранившийся ещё со времён бабушки) выкатил сразу три таблетки на ладонь, засунул в рот. Одну сразу разгрыз в труху, и рассосал. Оставшиеся попробовал затолкать под язык. Боль всё ещё торчала в сердце, хоть и стала чуть меньше. Пришлось разгрызть и вторую. Третью он уже просто рассасывал...

Где-то через пять минут (На часы уже не смотрел! Смот-

рел только на постель – добраться бы!.. Но пока не рискнул: чтоб не делать «резких движений».) стало возможно дышать чуть глубже – так, чтобы вздох не отдавался во всей левой стороне груди огнём.

Всё это время мысли так и скакали: «Чё-ё-ёрт! Больно-то как... Может, стоило все же покашлять, как советовали в интернете делать, почувствовав? Предынфарктное состояние?..»

Умирать совсем не хотелось.

Всё! Больше на левый локоть он, сидя, не опирается! Это ж надо – всего тридцать девять лет, а так отдаётся... Не иначе, наследственность. Со стороны прабабки.

С сожалением глянув на монитор, Леонид решительно отключил интернет, и вообще – всё повыключал. Нет, с игрушками пора завязывать тоже. Нельзя выше меры насиловать организм, и не высыпаться! Может, от недосыпа он и худой такой. И нервный.

Ещё минут через пять он смог встать – когда прислушался к дрожавшему противной дрожью, и как бы обмякшему, и покрывшемуся противным липким потом, телу.

Оказалось, что почти нигде не болит. Крохотная иголочка всё же сидела в левом подреберьи – но больше грудь никак не показывала, что хозяин сердца перестарался с хроническим недосыпом, и глупой злостью по поводу трёх «смертей» и двух проигранных сражений...

Леонид прошёл в ванную – есть не хотелось – и решитель-

но почистил зубы. Из зеркала глянуло бледное вытянутое лицо.

Дряблые мешки под глазами. Пробившаяся к утру щетина на щеках чёрной каймой оттеняет ввалившиеся щёки, воспалённые покрасневшие глаза и такой же нос – аллергия всё ещё мучила Леонида. Нет, конкурс красоты ему точно не выиграть. Ха-ха.

Сплюнув в мойку, и осторожно набрав в рот холодной воды, он выполоскал остатки пасты.

Ничего – терпимо. Зимой приходится брать из термоса. А когда совсем холодно – пользоваться запасами из баклашек. Трубы, наспех проложенные по навесным траверсам для замены тех, что давно сгнили в земле, замерзают – и вода, случается, не появляется месяц-другой.

Заснуть сразу не удалось. Ворочаясь и тихо матерясь, он поневоле думал, что же подарить этой чёртовой Шохиде – секретарше Босса. Завтра... Нет, уже сегодня!

У этой зар-разы день рождения, а оставлять столь знаменательную дату без подношений, пусть даже символических, кои выразили бы степень его уважения, никак нельзя. От Шохиды слишком многое зависит на работе, где главное – не деловые качества, а...

«Доверительные межличностные отношения».

Наутро заноза из сердца пропала окончательно. Только странная слабость отдавалась в ногах. Ничего – дрожи уже

не заметно. Однако он решил больше так не рисковать.

Он – не мальчик, чтобы резаться в игрушки вроде беголок-стрелялок для подростков до трёх ночи, да ещё так переживать при этом. Нет, решено: с сегодняшней ночи – режим отдыха. То есть, компьютер – только до полуночи!

Встать удалось только с третьей попытки – надо же выключить мерзко жужжащий будильник, предусмотрительно поставленный так, чтобы с кровати не дотянуться.

В восемь он уже вскипятил воду, и забросил в чашку предпоследнюю ложку хорошего кофе. Завтра настанет черёд среднего... А там – и плохого. Если, конечно, деньги на карточку не закинут вовремя. А вовремя их закидывали, дай бог памяти... Года четыре назад! Так что пара-тройка недель задержки – еще цветочки.

Постепенно такие «опаздывающие» поступления средств, заработанных честным трудом даже на пластик тоже стали нормой, и поворчавшие и повозмущавшиеся работники смирились и заткнулись. А что можно вообще сделать против Банков любимой Нарвегии? Особенно, когда все они в руках у... Проехали.

В прихожей он ещё раз придирчиво осмотрел себя в полный рост. А что: в чёрном строгом костюме он очень даже! Белая рубашка, правда, уже поднадоела – давно пора переходить на другой цвет. Скажем, светло-голубой. Втянув наметившийся животик, он нагнулся.

Тряпочкой с кремом он ещё раз прошёлся по туфлям.

Окончательный лоск навёл бархоткой. Так, галстук... Нормально. Вперёд.

На работу он добирался как всегда – на метро. В этом и состояло главное из преимуществ его района, застроенного унылыми девятиэтажками, словно специально поставленными потеснее друг к другу – свободного пространства между ними хватало только на узенькие и давно вытоптанные детьми палисаднички, да стойки с верёвками для белья.

Троллейбусы и трамваи сняли с улиц Столицы чуть ли не пятнадцать лет назад, а автобусы и маршрутки начинали ходить с шести утра – но в них не залезть! Забиты жителями пригородов, спешащих на службу к восьми. Так что метро – потускневший, грязный и вонючий, но – плюс столичной жизни.

Спустившись в переход, Леонид привычно дал себя отсканировать металлодетектором, а затем стоически перенёс и личный досмотр. Лент, проводивший обшаривание, уже не извинялся вежливо, как бывало вначале этой кампании, а просто буркнул «Проходите», занявшись следующим в очереди.

Леонид дёрнул щекой: сволочи... К плохому привыкаешь ещё быстрее, чем к хорошему – всего пять лет назад он, ведущий специалист отдела и заслуженный офис-менеджер, отмеченный медалью «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, подвергшись «шмону» возмущился бы, и потребовал начальника Патруля. Который доходчиво объяснил бы

ему, что безопасность Страны и её стратегических объектов – важнее амбиций и уязвлённого самолюбия отдельных несознательных соотечественников... «Почему все граждане не проявляют понимание и сознательность, а вы... Вам что, есть, что скрывать?.. Что?! Права человека? Мы здесь, между прочим, и поставлены: охранять вас, же, человек...»

Поэтому сегодня, как и все последние годы, он молча прошёл на перрон, сделав «морду кирпичом», и мысленно желая «всех благ» лентам и Бюрократам от Службы Безопасности.

Потолок когда-то белой огромной арки станции казался серо-жёлтым: работала едва треть лампочек, живописно усеивавших семь пятиметровых колец помпезно-монументальных люстр, тускло освещая всё, что с гулом переваливалось внизу, словно море в тумане... А когда-то лампочки здесь были по сто ватт, а не по двадцать пять – и всё казалось ярким, радостным, оптимистичным. И грязно-бурых потеков от грунтовых вод не было ни на стенах, ни на потолке.

Леонид спустился на перрон. Казавшаяся издалека монолитной масса неопределённых размеров и цветов, распалась на отдельных людей.

Огромная толпа клерков и Госслужащих, традиционно едущих на службу к девяти, всё прибывала. От серых, чёрных, синих и коричневых деловых костюмов, и чёрных юбок с белыми блузками у женщин, взгляд привычно перешёл на купол станции: после позавчерашнего дождя эти самые грунтовые воды спокойно и методично сочились по потолку и

стенам. Ничего, дренаж работает – всё сливалось в приямки, и утекало куда-то вниз – к системе насосов. Да и привыкли все: поездам-то не мешает!

Протиснувшись через толпу, Леонид занял место во втором ряду к первой двери третьего вагона. Вяло кивнул на приветствия коллег по поезду, традиционно помалкивающих, и состроивших ему подобие дежурной улыбки. Все «белые воротнички» знают друга друга чуть ли не годами. Ну, как знают – по лицам. И может быть, месту работы.

Вовремя он подошёл – вот и поезд. Спасибо, хоть машинисты метро пока более-менее соблюдают график.

Но всё равно – в целях «экономии электроэнергии и оптимизации доставки пассажиров» интервалы доходят утром, в самый час пик, до десяти минут... Ночью – и до двадцати.

А раньше семи утра и позже одиннадцати вечера уже и метро не работает – профилактика. Хотя чего там «профилировать» – в рабочем виде только несколько допотопных составов. Их из последних сил и латают купленные за валюту специалисты от производителя – бригада высококвалифицированных механиков. А толку!.. Регулярно какие-то составы приходится снимать с маршрутов прямо среди смены... Тогда из депо срочно выгоняют собранный, словно конструктор Лего, из вагонов разных годов выпуска, резервный поезд.

Про закупку новых вагонов речи даже не идёт – денег на такие излишества выделить неоткуда. Бюджет страны и без того перегружен.

Счастье ещё, что на работу теперь ездит всего несколько десятков тысяч, и – только служащих. А не сотни тысяч рабочих и инженеров, как бывало ещё лет двадцать назад: почти все промышленные предприятия и заводы, не говоря уже о разных там Проектных институтах – закрыты. Навсегда. Здания, земля, станки, мебель и всё оборудование распроданы. Или расхищены.

Ввалившись с толпой в свою дверь, Леонид поспешил протиснуться к дальней двери – ему ехать восемь станций. Серые обезличенные массы в костюмах и форменных юбках-блузках, вливающиеся на двух следующих станциях, прижимали его к холодной створке с грозной надписью «Не прислоняться!», сделанной огромными жирными буквами, всё сильнее.

Но уже через пять остановок стало куда легче – служащие выходили и торопливо направлялись к местам работы. В последние годы они казались Леониду толпой покорных и отчаявшихся овец, раз и навсегда следующих проторённой тропой на тощее казённое пастбище. И готовых терпеть всё это вечно. Возможно, на этот образ его натолкнули их бледные, равнодушные и погруженные только в собственные проблемы, лица.

А, собственно, разве они и впрямь, не едут пастись? Стричь пусть куцу, но – достаточно стабильную травку «льготных» зарплат и всяческих «пособий»? Госслужба в Нарвегии – чуть ли не единственная оплачиваемая пока га-

рантировано, работа.

За неё держатся. Многие даже выучили Государственный язык... Он – тоже. Выучил. Но старается говорить пореже – акцент, грамматика и всё такое... Позорище.

И пусть платят не бог весть как, но – платят. Стаж идёт. Не то, что в «частном секторе», где – сегодня какое-нибудь громко называющееся ООО или СП есть, а завтра – разбежалось, заметя следы и ликвидировав документацию – контрмеры против Налоговой. Вот и ищи потом эти данные по архивам – чтобы доказать, что ты работал, и пенсию начислили хоть чуть-чуть побольше, чем Социальное Пособие!.. В сорок «у.е».

Когда однажды Леонид по делам службы побывал в Госархиве, его поразило число скандалящих и чуть ли не лезущих на штурм приемных окошечек стариков и пожилых женщин. Но куда больше народу – особенно стариков-мужчин – просто тихо плакали по углам огромного зала... Это больно резануло – как по обнажённым нервам: зрелище беспомощных и бесправных людей, отдавших лучшие годы жизни, и почти все силы, а теперь оставшихся у «разбитого корыта»...

С этой картиной резко контрастировали равнодушные лица лентов, следящих «за порядком», и вышвыривавших за двери слишком уж разошедшихся. Или – уводящих под белы ручки идиотов, помянувших недобрым словом Верховную Власть. Или – самого!..

На своей станции Леонид вышел свободно: вагоны почти

опустели. В центре почти никто не работал, и ехали туда лишь единицы – по делам, или к родственникам.

До здания Госкомстата пешком пять минут. Здесь, в центре города, сконцентрированы все основные службы Администрации – разные Комитеты, Комиссии, Хокимеяты, Министерства и Ведомства. Без которых жить станет – ну просто «невозможно»!

Иной раз Леонид думал, что если вдруг все казённые здания, да со всем персоналом, окажутся на Луне, основная масса населения вздохнёт с огромным облегчением!

Потому что тогда никто с них не будет требовать всяческих СПРАВОК...

На работе пришлось работать. Квартальный Отчёт. А практически сразу за ним – и полугодовой. Леонид автоматически подправлял данные, проходившие через его, как руководителя подразделения, руки.

Вот эта цифра явно занижена. Ну-ка, посмотрим, что в прошлом квартале... Ага, значит, сделаем на ноль два процента выше: прирост крайне желателен. Или его нужно «нарисовать»!..

Ну а провальное падение вот этого производства придётся подкорректировать: так, теперь лучше. Никто не придерётся. Для официальной статистики падение в полтора раза никуда не годится. А вот на ноль три процента – допустимо. Словно работа всё ещё ведётся, и есть надежда на рост чего-то там...

Страна живёт, работает, развивается. Двигается к Светлому Будущему. Как бы.

Леонид не обольщался: всё, что он обрабатывал, ещё раз пять будут просматривать, и «дообрабатывать» после него. После чего эти данные уйдут туда, Наверх, и в Министерство Пропанды.

И оно хвастливо объявит об очередных «победах», «одержанных трудящимися Страны» в нелёгкой борьбе за процветание, благосостояние и полное счастье всех Граждан нашей Великой, Свободной как никогда, и Независимой, родины. И снова будет трубить о «великом Будущем», которое ждёт их Страну. Ну, где-то там, в Будущем.

Статистика – Леонид давно понял – просто продажная шлюха на службе Высшего Госаппарата. Помогающая просто запудрить мозги затюканному населению, не имевшему возможностей купить себе какие-то газеты, кроме местных, или просматривать какие-либо каналы ТВ, кроме Официальных. Купить же «тарелку» – только получив официальную Разрешающую Бумажку! А её дают только «избранным». Да чиновникам.

Но! Пока ему платят зарплату, можно совесть засунуть себе в... И поработать.

К концу рабочего дня, ближе к трём, ему прямо на мобильный позвонило начальство.

– Леонид Александрович?.. Здравствуйте.

– Здравствуйте, Хуснутдин Хайруллаевич!

– Я по поводу э-э... проблем в металлургии. Что у нас там с медью?

– Вам по факту, Хуснутдин Хайруллаевич... Или – так, как пойдёт в Секретариат?

– По факту, по факту, Леонид Александрович. – в ухе раздалось достаточно сердитое сопение. Похоже, начальство изволит гневаться. Значит, есть повод. Не иначе, звонили с Самих верхов.

– По сравнению с тем же периодом за прошлый год – на шестнадцать и три. По сравнению с позапрошлым – на двадцать семь. А если взять за исходный самый... э-э... продуктивный две тысячи ...-й, то – на шестьдесят шесть и пять.

– Тэ-эк-с... Всё понятно. Кстати, не знаете, как там директор? Вернулся?

– Никак нет, Хуснутдин Хайруллаевич, всё ещё в Бубае. Все Отчёты подписаны Замом.

– Понятно. Благодарю, Леонид Александрович. А... Что там мы даём в Секретариат?

– Минус ноль сорок семь сотых процента.

– Хорошо, хорошо... Ну, всего доброго, Леонид Александрович.

– И вам того же, Хуснутдин Хайруллаевич. До свиданья. – Леонид для ревниво слушающих, и делающих вид, что поглощены своими делами, соседей, всё равно закончил фразу. Хотя на её середине большой босс уже дал отбой.

Директор Медеплавильного Комбината, предчувствуя неизбежный разнос и возможное заключение под стражу за «саботаж» и «невыполнение», скрылся в бессрочную командировку в отдалённую страну, с которой у Нарвегии не подписано договора о выдаче преступников, и, похоже, успел вывезти и семью. Молодец.

Ну, это уже – не проблема Леонида. Пусть работают соответствующие Органы – это их бюджет сжирает чуть ли не половину от Бюджета страны! Ещё бы: иначе население давно бы... Куда и директор медеплавильного.

Собственно, директора-то понять можно. Кто же удержит уровень выплавки, если богатые руды закончились, а техники для разработки глубинных пластов нет: посдыхала. (Ну правильно – нельзя же требовать с неё, как с человека! То есть – Подвига во имя сознательности!) Изношенные и сломанные станки и механизмы – бич всей Промышленности. Да ещё разрушение межреспубликанских экономических связей. Поэтому её и нет. Промышленности.

А сейчас медеплавильному Комбинату, дающему продукцию, реализуемую за валюту за рубеж, приходится перерабатывать «хвосты» – огромные терриконы отходов. Да при этом ещё экономить дефицитную электроэнергию и газ... И чинить, чинить, чинить... Средства Производства. За свой, понятно, счёт.

Конечно, очередной директор не обязан отвечать за истощившиеся ресурсы и расточительную безалаберность пред-

шественников. А его Зам, оставшийся на фактически тонущем корабле, автоматически превращается в мальчика для битья. Но вот он – никуда не сбежит. Наверняка уже Служба безопасности отслеживает все действия, разговоры и перемещения. «Охраняет» семью. Жаль беднягу.

Но – шоу должно продолжаться, даже если актёрам больше нечего сказать. Здесь, почти как у классика, два основных вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?» Но актуальней – второй...

Домой «ведущий специалист» ехал уже куда свободней – пятница. Народ заканчивал в разные часы, и в поездах попадались и свободные места. Он сел.

Мимо опять дефилировали профессиональные побирушки и нищие. Он в сотый раз выслушал историю о том, что «мама лежит в больнице, нужны лекарства, а папа нас бросил ещё маленьких», а затем версию почти о том же – на нарвежском, которую, словно заученный урок, оттарабанила тёмно-коричневая от загара девочка лет десяти с ребёнком на руках – явно Баджикская цыганка. Когда сменяющиеся пары и одиночки, одетые иногда лучше даже некоторых пассажиров, и входящие и выходящие буквально друг за другом, закончились, Леонид прикрыл глаза.

Не то, чтобы администрация метро и милиция совсем не боролись с этими паразитами... Нет, в обычные дни они просто вносили с них дань в виде процента милостыни. Главный негласный Закон Норвегии – всё должно приносить вы-

году!.. Особенно Чиновникам, для этого и поставленным на начальственные места-кормушки.

Но, конечно, случались и редкие месячники «борьбы с порочащими Страну явлениями».

Тогда пару дней можно было стоять спокойно, не придерживая карманы в опасении остаться без последней наличности, или телефонов, или ещё чего-либо, что можно отъять или вытащить цепкими тренированными пальцами, одновременно что-то гнусаво выклянчивая.

Игратья в игры на мобильнике-смартфоне, читать, или слушать музыку, как всё ещё делали в вагонах подземки необстрелянные (или чересчур самоуверенные) молодые, Леонида отучили.

Погода оказалась отличной – он и забыл, что на дворе лето. Тепло, птички, зелень... Благодать. Впечатление портит только неистребимый запах пыли, гниющих овощей-фруктов из огромных помоек, да выхлопных газов.

Прикинув, он решил, что продуктов на уикенд вполне хватит.

Поэтому в Гипермаркет у метро и не заходил. Хронически царивший там «праздник» света, ярких упаковок и предупредительных (Ещё бы! Одно замечание – и тебя сменит кто-то из огромной очереди претендентов на «рыбное» место!) продавцов уже стоял ему поперёк горла. Посматривая на небо, и ощущая ласковый тёплый ветерок на щеках, Леонид пошёл сразу домой.

Поэтому и застал похороны у соседнего подъезда. Автобус с широкой чёрной каймой вдоль кузова как раз отъезжал, давя колёсами вездесущие, разбросанные по обочине тротуара, чёрные пластиковые пакеты с мусором. Всего четыре или пять пожилых человек – явно только родственники – сидели внутри, по сторонам салона, и задумчиво (Нет, не печально! А именно – как-то задумчиво...) смотрели себе под ноги – явно на гроб.

То, что похороны происходят во второй половине дня, да ещё так поздно, сразу о многом сказало Леониду.

Во-первых, хоронят кого-то из «европейцев» – мусульман переносили до кладбища в специальных занавешенных носилках. На руках. А кладбище для некоренных, то есть – не «прописанных» жителей-немусульман – пятьдесят километров за городом: надо ехать.

Во-вторых, это – уже вторая ходка автобуса «Чёрного тюльпана» за сегодня – все предпочитают хоронить с утра, точнее – с полудня: чтобы потом спокойно делать поминки. Значит, автобус был занят и раньше – то есть, сегодня смертей больше обычного.

Ну а в-третьих, раз хоронящих так мало – похоже, обойдутся без поминок. На это сейчас у большинства пенсионеров, если рядом нет детей, (Ну, уехали за лучшей долей!) элементарно нет денег... Да и сил.

Сплюнув три раза через левое плечо, Леонид зашёл в подъезд.

Ободранные стены. До половины – ядовито-зелёные, выше – грязно-белые. Краска и побелка выгорели и начали осыпаться, наверное, ещё тридцать лет назад – сразу после возведения. Там, где когда-то прорывалась сквозь многострадальные прогнившие трубы вода, на стенах и потолке расплылись огромные чёрно-охристые пятна – плесень да ржавчина... Пахло соответственно. Но все привыкли.

Однако – хотя к этому призывали красочные плакаты на двух языках на дверях каждого подъезда (Ну как же: «Уважаемые жильцы! Превратим наш подъезд в образцовый! Пожалуйста, не выбрасывайте мусор в окна! Следите за чистой лестниц! Готовьтесь к отопительному сезону – заделайте все щели, отверстия, экономьте электро... и т.д.) – скидываться на ремонт подъезда никто из жильцов не спешил: большинству даже работающих еле хватало на еду и налоги!

Тут уж не до красоты на лестничных площадках. Что же до ЖКХ... За что он им платит, Леонид даже не знал – но платили все. Чтоб не нарываться на проблемы с лентами.

И пакеты с мусором всё так же летали из окон куда попало во двор.

Но – ночью! Чтобы не поймали с поличным. И не заставили очередного стрелочника убирать всю территорию у дома! Штатные же дворники убрали только улицу – по которой регулярно проезжало «контролирующее» начальство.

Медленней, чем обычно, он поднялся к себе, на седьмой. Пару раз отдышал – берёт сердце.

Отпер три замка. Щёлкнул неприметным рычажком за косяком. Всё, квартира отключена от Охранного Сервиса «Броня», как «остроумно» назвал кооператив его Хозяин. Квартирные кражи в последнее время всё учащались и учащались.

Ну, ситуация легко просчитываемая: каждый Государственный Праздник типа Дней Конституции или Независимости – амнистия.

А вышедшие на свободу ничего больше не умеют. Кроме того, чем занимались до, так сказать... Да и нет здесь, в стране, рабочих мест. В Чурессию на заработки уже не то что бывших зэк-ов, а и обычных граждан не впускают. А пахать-сеять чёртову вату выгодней самим дехканам – иначе кормить не будут! Им конкуренты-сезонщики не нужны. Потому что даже дети бывших колхозников, начиная с третьего класса, с сентября по декабрь – на полях! Отрабатывают за прокорм семьи. А сельские школы закрыты на замки.

Совсем как в прошлом веке, в Гражданскую: «все ушли на фронт!». Трудовой.

С этими самыми дехканами, честно говоря, только недавно была масса проблем. В эпоху «спутников и мобильников» кому охота вручную (Техника – как уже упоминалось, сдохла!) пропалывать-поливать-собирать?!

Однако массовую миграцию в города Правительству удалось пресечь. И весьма просто.

Дехканам перестали платить. Зато у каждого теперь был

свой «расчётный счёт!» А чтобы не сдохли с голоду, пытаюсь годами снять оттуда, со счёта, хоть копейки, работающим за трудодни выдавали продуктовый паёк – на каждый день. А для подстраховочки – попросту отобрали паспорта.

Нарушение «прав человека»? Ерунда – трудящиеся пожалели всего этого *сами!* Ну, по уверениям местных, и высших, Властей... А кто недоволен, (Т.е. хочет репрессий себе и близким на голову!) пожалуйста: езжайте, жалуйтесь в Гагский трибунал! (Вот именно – три ха-ха!..)

Леонид слышал, что почти такая же система привязки крестьян-колхозников к земле существовала в Саюзе при дедушке Таталине, восемьдесят лет назад. Вот уж действительно: всё новое – хорошо забытое старое.

Но – работает же!

Леонид постоял у окна. Блин. Вид из окон его дома никому не продать – если ему действительно придётся продать квартиру: такой ничего не сможет добавить к цене. Скорей наоборот.

Фасадная сторона выходила как раз на старинное мусульманское кладбище. Оно располагалось прямо через дорогу. Земляные холмики могил, заросшие уже сухой травой, и покосившиеся оградки, глаз вовсе не радовали. А по ночам, особенно при свете полной луны, иногда начинало казаться, что там, внизу – просто площадка для съёмок фильмов ужасов.

Ну, это – когда уж совсем депрессия одолевала.

За высоким забором, который для Леонида ничего не скрывал, копошилось как-то чересчур много людей. Хоронили почему-то сегодня очень многих. Могильщики буквально бегали.

Странно. У мусульман по Закону положено хоронить человека в день смерти – почти никогда не оставляя в доме на ночь. Получается, все эти люди умерли сегодня ночью или утром...

В мозгу Леонида словно что-то взорвалось: уж не от той ли самой «волны», что накрыла в полтретьего его самого, скончались все эти бедняги?! Ведь по статистике – самая распространённая причина смерти – как раз инфаркт. А кто сейчас не нервничает, не пьёт втихую, или, если пенсионер, не жалуется на сердце?..

Ведь если человек – вот именно пожилой, или просто старый... Или – под рукой не оказалось спасительной таблетки или капсулы с эринитом или нитроглицерином... Да просто – человека, которого можно позвать!

На ослабленный и изработавшийся старый «мотор» такая «волна» подействует... Очень плохо. И если позвать в такой момент некого, или – родные очень далеко...

Мemento мори.

Но что же это было? Что за странное природное явление? Магнитная буря? Перепад давления? Пятна на солнце? Предвестники землетрясения?

Хм... Это последнее – наиболее вероятно. Столица стоит

как раз на региональном разломе, и смещение пластов, случается, создаёт какие-то гипер-волны в поле планеты... Однажды он сам ощущал такое: в далёких девяностых, когда трясло – будь здоров!

Он, хоть и был ребёнком, но ощущал и страшное давление на всё тело, и как бы подземный гул... И страх – да какой там страх – ужас!

И матери его тогда стало очень плохо – соседка, которую он в панике побежал звать, пришла сразу со шприцом, и вкачала в руку матери жутко болезненную и вонючую камфару. Зато матери полегчало... Тогда. А потом её и отца всё равно пришлось отправить на ПМЖ к старшему брату: в Чурессии и медицина ещё на уровне, и с лекарствами куда лучше!

Не говоря уже об отсутствии вечного стресса: что-то ещё придумают Чиновники, чтобы сэкономить на самых бесправных и ненужных членах Общества – пенсионерах!..

Печальные воспоминания вновь накатили на Леонида. Прабабушка. Бабушка. Дед...

Впрочем, так случалось почти всегда, когда он видел чьи-то похороны. Вот уж – рефлекс. Привет собакам Павлова! Отвернувшись от неприятного зрелища, он открыл холодильник.

В холодильнике два пакета: пельмени. Один из них он сегодня и сварит.

Пельмени не порадовали. Халтурщики чёртовы: как толь-

ко какая-нибудь новая фирма убеждается, что её Новый «фирменный Продукт» начали разбирать, тут же делается коррекция! Мяса кладётся меньше, а жил, хрящей и луку – больше. Точно так же, как с, например, самсой «Заказной», как любят называть здесь якобы особо вкусную и наполненную фаршем. И с тортами-пирожными. И с конфетами. Да, собственно, так происходит везде – и не только в Пищевой отрасли «народного хозяйства», пущенного фактически на самотёк. Точно такая же в их стране мебель. Техника. Одежда. Обувь. Словом – продукция местных «предпринимателей».

Всё, что не завезено через Таможню с её драконовскими поборами, использовать очень трудно.

Но! Ввозимое – дороже! Надбавка на собственно цену – получалась практически двойная. Да и взятки... Он знал ловкого одноклассника, который за два года работы таможенником купил дом. (Правда, потом быстро продал его, уволился, и уехал!) Может, боялся, что скоро его, как всех вот *таких*, начнут «трясти» да «доить»?..)

Леонид, как и многие его знакомые, которые могли себе позволить выложить чуть больше денег, «отечественный продукт» не потребляли, и местных бизнесменов, таким образом, не «поддерживали».

Остальные как-то выкручивались и с отечественным...

Бедняги.

Ладно, посмотрим, что там в ящике...

В ящике оказался футбол, так что нашлось что посмотреть. Правда, качество изображения оставляло желать много лучшего: гады-кабельщики! Деньги дерут, а приём – отвратительный. Да и реклама в перерыве – только местная!.. Но вот матч окончился.

Леонид прошёл в комнату.

Вот она: его вотчина. И почти единственная отрада. Компьютер, подключённый к Сети.

Немногие же могут себе такое здесь позволить... Да и у него на ежемесячные взносы уходит треть немаленькой (По современным меркам его страны!) зарплаты.

Конечно, у граждан всё той же Чурессии, что его зарплата, что тарифы на всё: электричество, воду, телефон, газ, мусор и т.д. и т.п., а главное – многочисленные Налоги, вызывали только смех и удивление. Поэтому кто успел – давно уехал. Ещё до закрытия границ.

Леонид щёлкнул общим выключателем. Порядок. Сегодня и напряжение нормальное – не скачет! – и телефонная связь есть. В этот приятный момент, когда он уже почти облизывался, вождедея, раздался громкий стук, и звонок в дверь.

На цыпочках подойдя к глазку, он выглянул, не зажигая света в прихожей.

Чёрт. Патруль. (Ну правильно: кто же ещё припрётся в десятом часу – когда все кому положено – с гарантией дома!) Придётся открыть. Иначе испохабят дверь.

Трое здоровенных бугаёв в форме, на которых бы пахать и пахать, мрачно уставились на него. Старший механически козырнул:

– Проверка документов. Ваш паспорт, и квитанции, пожалуйста.

Паспорт у Леонида, куда бы он ни шёл, или даже сидел дома – теперь всегда находился в нагрудном кармане. Квитанции – в тумбочке, здесь же, в прихожей. Уже учёный!

Когда три года назад паспорт оказался в ящике стола в комнате, из прихожей пропали пепельница, рожок, демисезонная куртка, и пара хороших ещё туфель. А попробуй скажи что-нибудь Патрулю! А тем более – его Начальству! Затаскают по Судам за «поклёп и грязную клевету на официальных Лиц при исполнении!»

Или просто – заберут в участок, и продержат всю ночь в грязной камере. За «нарушение тишины, и спокойствия граждан».

Сама проверка много времени не заняла. У Леонида с пропиской, картой соцстраха, и уплатой Налогов, и счетов за коммунальные услуги всё было в порядке. И уплачено на полгода вперёд – сталкивались, знаем!

Старший снова откозырял, и хмурые (А ещё бы! За каждого выявленного Нарушителя они получают премию-надбавку!) лилицейские двинулись выше.

Леонид не без злорадства рассмотрел белую нашлёпку формата А-3 на двери соседа. Предупреждение.

Клеится такое несмываемым клеем. Теперь у Рашида уйдёт не один час, чтобы отскоблить плотную бумагу и засохшие потёки суперклея. Странно только, что у него никого не оказалось дома. Если так повторится ещё два раза – с зелёным и синим («фирменные» цвета – в полном соответствии с теми, что украшают национальный...) Предупреждениями – и дверь и правда, никто не откроет при четвёртом посещении Патруля, те вызовут Группу Зачистки.

Шустрые сварщики вскрыют железную дверь автогеном, грузчики вывезут на мебельном фургоне всё, что окажется в квартире, а саму квартиру Хокимеят конфискует «в распоряжение Государства». После чего очередной наивный нувориш из Провинции получит право откупить её и прописку на открытом (Ну, это – теоретически!) аукционе...

Какого же... Рашид никого не оставил дома?

Неужели...

Свалил, как это случалось иногда, отсюда к такой-то матери, бросив квартиру, которую всё равно невозможно продать «в частную собственность», (Все квартиры – приватизированные ли, нет ли – «собственность Государства»! А жителям они сдаются только в аренду!!!) и переведя в страну бегства все деньги через систему «Норден Дрюнион»? Жаль. Сосед был сравнительно неплохой. Спокойный, тихий.

А теперь вселится какой-нибудь самовлюблённый и наивный «делец» нахапавший на тёплом месте регионального Начальника, так сказать, «Белая кость» Областного масштаба,

воображающий, что уж он-то сможет открыть своё Дело, и капитально обосноваться в Столице... Привезёт кучу детей. Они там, в провинции всё ещё плодятся: пять-шесть малышей не редкость.

Дети будут бегать по лестничному пролёту, вопя и играя. Жена нового соседа будет стирать и демонстративно развешивать за окнами, как это принято там, в кишлаках, тьму пелёнок и одежды. Сам приехавший «покорять» будет всё с убывающим энтузиазмом бегать по Министерствам и Учреждениям, пытаясь легально оформить бумаги, и открыть это самое своё «Дело», в тщетных попытках «договориться». Пробить, убедить, заинтересовать...

Заинтересовать Чиновника, обличённого Властью можно только одним способом – дать ему! Ясно, что не деревянными – а капустой.

Тогда, может, конечно, и получится – пробить.

Если есть бешенное терпение и деньги.

Леонид закрыл дверь и тщательно запер все замки и засовы. Он невольно отслеживал «динамику роста предпринимательства» – и чисто по долгу службы, и как простой обыватель.

И видал за эти годы, как у только одного крошечного киоска во дворе их дома сменилось пять владельцев. Интернет-игры, парикмахерская, пошив спецодежды, чебуречная... Пункт проката ДВД фильмов.

С этим последним, конечно, было интересней всего.

Когда забрали в подвалы гигантского комплекса СНБ Высокого Чиновника, дававшего лицензию таким Пунктам, хозяин киоска не насторожился, и не прикрыл лавочку... А зря.

Однажды вечером Леонид, да и все, кто оказался дома, имели возможность наблюдать почти сцену из боевика: к киоску, окружив его со всех сторон, подъехали три бронированных чёрных джипа с тонированными стёклами. Из них повыскакивали человек десять в камуфляже и чёрных вязаных шлемах с дырками для глаз, и с короткоствольными автоматами. Затем все ринулись «на штурм».

Хозяина и все его диски загрузили в микроавтобус без окон, и с тех пор о нём ни слуху, ни духу. Случайно, из брошенной кем-то из соседей фразы, Леонид понял, что бедняге «впаяли» за порнографию – не смогли навесить хищений или двойной бухгалтерии. Ну вот и пришлось просто подбросить чернухи... А местный менталитет этой «мерзости» не допускает в принципе!

Теперь «несчастливый» киоск стоял тихий и с побитыми стёклами, сиротливо сверкая объявлением: «Сдаётся в аренду. Или продаётся». И телефон – по которому позвонит... или не позвонит очередной наивный бизнесмен-лох, мечтающий заработать в Столице честным образом.

А ведь казалось, Законы и Указы о Частном Предпринимательстве быстро поднимут хозяйство Страны из той ... опы , где оно оказалось почти сразу после провозглашения

Независимого Государства. (Может, политически – и независимым... А как же с поставщиками сырья? И – потребителями того, что страна производила? Экспорт сразу упал до нуля. Кто же будет покупать то, что по качеству – хуже, а по цене – дороже, чем у тех же жайтайцев?!..)

Вроде – всё, как в двадцатые годы у Большевиков: разрешили НЭП, и частные предприниматели-бизнесмены заставили вращаться колёса и стали производить товары и услуги в разорённой разрухой и войной огромной стране!

Ан – нет! Не тут-то было! Менталитет, будь он неладен...

Даже если такое вдруг и случилось – то есть, дела у фирмочки, или кооператива начинали идти в гору, сразу начиналось... Налоговая Инспекция. Госпроверка Патентов и Лицензий на коммерческую деятельность, и сертификатов на продукцию. Участковый. Пожарная охрана. Комитет по экологии. Санэпидемстанция. Энергонадзор...

Прихлебателей-пиявок можно перечислять по пальцам рук и ног.

И каждому проверяльщику – надо дать. Потому что у него есть право и огромное желание «выявить нарушения» и прикрыть доходную лавочку. Так что когда у горе-предпринимателя в результате бурной и самоотверженной работы, *себе* уже ничего не оставалось, отчаявшийся найти управу на Бюрократов и Инспекторов всех мастей, и уже полунищий несчастный – сдавался и уезжал. Назад, в провинцию. Или – кто посмелей, или ещё не всё отдал – сразу в дальний За-

рубеш. Молча, (Иначе – заберут силовики!) и проклиная в душе всех и вся, и сжимая кулаки и челюсти в бессильной злобе...

Но всё же это лучше, чем брать под кабальные проценты кредиты – в государственных или частных банках. Потому что если не погасить вовремя – отберут и последнее. А если нечего отбирать – коллекторы – громилы из бывших рэкетиров! – изнасилуют жену, а самого заёмщика забьют до смерти, вывезут в поля, да оставят там труп – гнить в канаве... Да, он слышал и про такие случаи, и видел однажды ставшую инвалидом жену некоего Рахима Шохназарова – у неё от «эксзекуций» отнялись ноги, и сестра привезла её на кресле-каталке на похороны их общей знакомой. Не-ет, кредиты здесь брать – себе дороже!

Леонид сознавал, что его Город – огромный нарыв на теле страны, высасывающий последние соки из тех, кто ещё пытался честно поработать и заработать – хотя бы для того, чтобы прокормить тех же пятерых-шестерых детей и родителей-пенсионеров.

Так что быстро эти, привезённые в Столицу отцом-активистом детки, перестанут радоваться, кричать на весь подъезд, и играть. Ведь проблем и отчаяния отца, и постоянного ворчания матери – не скрыть. Начнутся скандалы: «Что ты за мужчина! Не можешь прокормить детей, и одеть меня!.. Перед соседями стыдно! Не в чем на гяп пойти! А сам – на чём ездешь?! Вон: Махмуд-ака уже третью машину меняет!

А начинал – как ты!...»

И в школе, куда отдадут детей – они будут «харыпами», «областными», то есть – изгоями-чужаками. Немодно одетыми, и без «навороченных» мобильных, и навыков «виртуального общения».

Не слишком-то хочется играть и веселиться, когда окружающие, дети потомственных Чиновников или Служащих, постоянно дразнят и издеваются над бедностью и отсталостью. Учителя же, вместо того чтобы пресечь, большую часть рабочего времени проводят в учительской, попивая чай и бесконечно обсуждая всё на свете – соседей, телепередачи, здоровье... Словом, всё, кроме работы... Спихнув эту самую работу с «контингентом» на практикантов и стажёров.

А большинство учеников «на уроках» предпочитают просто читать анекдоты. Или смотреть видео, выложенное в ютубе, или «общаться» по мобильнику с друзьями – вслух, или через чертовски дорогой (а потому – престижный!) интернет, нагло игнорируя пытающихся что-то вбить в их головы из знаний, сопливых стажёров – таких же вчерашних школьников.

Да, уровень образования в Нарвегии – высок, как нигде!.. Особенно в ВУЗ-ах, где чуть ли не официально есть тариф за каждый конкретный экзамен – и плевать Преподавателю, знаешь ты предмет, или вообще занятий не посещал.

Хватит. Что-то его опять потянуло на философию.

Точно – стал старый и брюзгливый. Да ещё и дохловатый.

Всё: сегодня-то он побережётся!

В половине третьего, с сожалением выключая общий тумблер, Леонид признался самому себе: да, он – идиот. Увлекающийся маньяк. Игроман. Если бы не скачки и напряжения, выбившие его из Сети, он бы играл и играл – ещё и ещё... Пора лечиться. (Тьфу-тьфу!)

Лечиться в любимых Поликлиниках и Частных Клиниках могли себе позволить либо только очень здоровые, либо очень богатые! В Госучреждениях могли вместо диагноза «аппендицит» запросто поставить – ОРЗ. Иди, попробуй потом докажи, что это – некомпетентность врача, а не ошибка Регистратурного компьютера! Если, конечно, выживешь...

Да и может ли быть по-другому, если все знают, что вместо того, чтобы учиться, студент-медик шесть лет гонял балду, а все экзамены и Диплом его папуля попросту купил любимому чаду за наличные! Как купили их и всем остальным студентам.

Но тут – всё-таки здоровье. Страшно! Недаром же есть старая поговорка: «Геноцид – это когда нарвежец лечит нарвежца!»

В частных клиниках сохранились знающие Специалисты... Один визит – его зарплата за полмесяца.

Проще оставаться здоровым. Хотя после того, как почти все лекарства стал изготавливать Столичный фармацевтический Завод, они почему-то сразу перестали помогать... За-

возные же тщательно подделывались. А чтоб достать оригинальные – платить приходилось втридорога.

Закон кризиса: когда врачи объявляют забастовку, народ сразу меньше мрёт! И не болеет. Вероятно, назло!

Засыпая, снова вспомнил о Рашиде.

Странно. В последнее время, особенно после похорон отца год назад, Рашид стал каким-то мрачным. Почернел. То есть, действительно – лицо не загорело, а именно – почернело. Видать, или дела шли поганно, или...

Или что-то узнал такое, что заставило бросить всё, и подвергнуть Семью страшному риску нелегального Перехода. Поймают – конец. Бесследно сгинешь на одном из двух недавно вновь открытых урановых рудников.

А не поймают – придётся годы жить в ужасных «лагерях для беженцев». Да ещё могут и выдать обратно – если уж очень настойчиво будут требовать свои. (Ну, такое случалось только с совсем уж шустрыми и «крутыми» хапугами, или хитрецами, пытающимися уйти от наказания – как вон давешний Директор медеплавильного...)

Да, собственно, чего-то такого, неизменно плохого и разорительного для семьи, ждали здесь все. Указы и Поборы с населения всё множились, прикрываемые лозунгами и призывами «Сплотиться всем, поддержать Страну, и дать отпор мировому Терроризму!»

Леонид знал, что при Минфине есть целый Отдел, только и придумывающий, что новые варианты этих самых по-

боров.

И ещё какая-то мысль прошла мимо сознания Леонида, когда он почти провалился в пучину забвения... Она сверкнула, ослепительной догадкой осветив некие важные недавние события!

Но какие – он уже не увидел. Поскольку отключился.

Суббота. Можно бы поспать подольше – но не-е-ет! Будильник вынудил встать через какой-то час сна. Пришлось подняться, одеться и побриться особенно тщательно.

Леониду предстояло очередное, неизбежное, как Страшный Суд, лицемерие: Утренний Плов.

Если ты, будучи сотрудником «родного» Госучреждения, не придёшь на «сплывающее» и «освежающее нестандартное творческое мышление» казённое Мероприятие – могут решить (И не без оснований!), что ты отделяешь себя от коллектива. Ставишь выше. Третируешь Коллег.

Индивидуалист! Зазнайка! Вот таких увольняли по поводу, и без повода. Чтобы остальным было неповадно. Чтоб сидели и не рыпались. Терпели. Работали.

Леонид уже опаздывал. Поэтому до Ресторана «Шурсу», где традиционно собирались работники его Учреждения, пришлось ехать на такси. Такси было тоже, конечно, Государственным. Очередной Указ запретил частный извоз. Первые два раза – штрафы. У нарушителей же, пойманных в третий раз, попросту «отчуждали в пользу Государства» личные

транспортные средства. Однако «изжить» удалось не полностью – ночами «частников» поймать было ещё можно.

После того, как расплатился, прикинул оставшиеся «финансы», и невольно сплюнул – вот и ушла половина месячной наличности. Теперь – только карточка. Если загрузят средства...

– Ты слышал, что с случилось с Рахматилло? – воспользовавшись тем, что соседка Хуррият, за которой Леонид традиционно ухаживал, подкладывая салатов и прочих «яств» в тарелку полненькой женщине бальзаковского возраста, болтала через стол с Матлюбой из Архива, Михаил, коллега из соседнего Отдела, нагнул почти к самому уху Леонида.

– Нет, – предчувствуя очередную неприятность, отозвался тот.

– Ну так вот. У него вчера умер отец. Жил с ним весь последний год – почки отказывали, и сердце тоже... А стационар не помог. Ну, дело, собственно, не в этом.

Рахматилло поехал на кладбище. А тут к его жене – её, помнится, Гузаль зовут – пришёл Патруль. Проверять начали. Она им – квитанции. Потом отвлеклась на секунду – на ребёнка, что ли – и глядь: один из лилицейских что-то быстро прячет в карман. – Леонид сразу понял, в чём дело, и что будет дальше, желваки заходили на скулах. И точно.

– ... а старший Патруля говорит: «если не хотите, чтобы мы прямо сейчас забрали ваш телевизор, платите!» И пришлось ей достать карточку умершего отца, и последние

остатки его пенсии отдать за электричество повторно! А самого Рахматилло держали в участке всю ночь – вон он, видишь?! Только час назад отпустили. Хотел, наивный бедняга, «наехать» на начальника местного отдела РУВД. Думал, ему родственник в Мин.юсте поможет... Помог, как же. Два раза. Ты сам смотри... – Михаил стал советовать делать ксерокопии всех квитанций, чтобы не вляпаться так же.

Но Леонид и раньше слышал про такие финты: все его ксерокопии хранились в шкафу, надежно спрятанные в новых носках, прикрытые ещё и такими же трусами. Так что даже если вскроют квартиру (что иногда практиковал Комитет антитерроризма – Главное отделение СНБ) и заберут «разбираться» все его оригиналы квитанций, тылы прикрыты дубликатами...

Леонид посочувствовал Рахматилло. Парень он неплохой. В-принципе. В-смысле, ещё не совсем окостенел, и, судя по наивным действиям, сохранял какие-то иллюзии о «справедливости» и «законности». Да и в квартире у него, честно говоря, кроме большого и престижного (Положение – обязывает!) плоского телевизора ничего стоящего и не было...

– М-м-михаил... – будучи не совсем уверен, что правильно поступает, он всё же решился спросить. – А от чего умер отец-то... У Рахматилло?

– Кажется, сердце – скорая помощь приехала быстро, и часа не прошло, как он умер... И сказала – все признаки, что от сердца. Ну, Рахматилло и не особенно расспрашивал,

по-моему: отец так и так должен был скоро... Отправиться туда. – Михаил кивком указал на потолок.

Леонид с соответствующим видом покивал. Про «оперативность» скорой помощи ходили легенды. А он знал и реальный случай – к старушке с четвёртым инфарктом врачи приехали на следующий день – когда в комнате уже стоял гроб...

– А... когда умер? Ночью, утром?..

– Вроде, ночью. Рахматилло обнаружил только утром – часов в семь.

– Так отец что – один спал?

– Ну да. Рахматилло же вынес кухню на балкон, и вот в оставшемся закутке его папа и...

– Понятно. Да, жаль... Теперь надо опять скинуться, наверное...

– Ага. Хуршида деньги будет собирать завтра – вернее, в понедельник.

Тут Леониду пришлось отвлечься от продолжения разговора – соседка оторвалась от «интереснейшего» разговора о том, какие подгузники лучше, и попросила снова поухаживать: принесли горячее.

– Леонид-ака, будьте добры... Мне – поменьше, а то фигура... – на корпоративах по имени-отчеству никогда друг друга почти не называли, но всё же богатство языка позволяло проявить уважение к старшим – будь то возраст, или чин: поэтому все здесь были либо – «ака», либо – «опа».

И лишь к Михаилу и ещё паре чудом сохранившихся «европейцев» Леонид обращался просто по имени. Здесь всё ещё наблюдалось нечто вроде «расовой» солидарности.

– Конечно, конечно, Хуррият-опа, минутку... Пожалуй-ста! – Леонид не знал, что именно имела в виду увядающая женщина, весившая далеко за сто, упоминая о «фигуре». Да, собственно, и не стремился узнать.

Нарвежский народный плов Леонид не любил. И не потому, что тот был не вкусен – как раз наоборот: и запах, и цвет и дизайн риса, мяса и фиолетовых кишмишинок с желтыми горошинами всегда нравились ему. Вид великолепный – настоящий восточный эксклюзив для гурманов!

Просто – для того, чтобы кишечник мог нормально переработать полупропаренный рис благородных сортов, нужно было два дня. И – огромный живот. «Мамон», как его гордо именовали обладатели: все мужчины-нарвежцы старше тридцати.

А кое у кого он отрастал и к двадцати пяти – в силу наследственности.

Так что это «достижение» выработало у всех местных мужчин традиционную походку а-ля откормленный гусь. Медленно и вперевалку.

И – гордо неся пузо в двадцати сантиметрах впереди себя, остального...

То есть – лишь ничтожного приложения к «авторитету». Шутки шутками, а Леонид и сам старался выпятить, когда

вызывали к начальству – иначе и слушать его доклады стали бы вполуха! Кто уважает тощих? Худоба – признак бедности и плебейства.

– Леонид-ака! А как там поживает ваш младший брат? – не то, чтобы Камилочка из отдела кадров интересовалась его братом, просто, очевидно, ей надо что-то достать...

– Отлично, спасибо, а как там Ваша мама?.. Папа?.. Наджметдин?.. – пока не перечислишь всю многочисленную родню с детьми и внуками, братьями и т.д., к собственно разговору переходить нельзя! Нет, нужно хотя бы сделать вид, что всеми интересуешься. И показать, что всех помнишь!

Точно. Коллегу интересовали новые игровые приложения для хайфона. Недавно она подарила «навороченную» хреновину дочери на день рождения, (Ну – как же! Иначе коллеги не будут уважать за излишне скромный Подарок!) и теперь хотела загрузить новые игры. Брат Леонида (правда, троюродный) занимал не последнее место в Чурессийской фирме, занимавшейся адаптацией таких игр и прочих прикладных программ для продвинутой техники. И иногда пересылал Леониду новинки – через всё ту же Сеть.

Леониду пришлось пообещать – с отделом кадров отношения портить нельзя!

Впрочем, как и со всеми сотрудниками. Хоть у постороннего наблюдателя могло бы сложиться впечатление, что здесь сидит сплочённый коллектив, где все друг друга трепетно любят, уважают, и ценят, Леонид прекрасно понял, и

давно, что это совсем не так.

Как в кружке рукоделия любого крошечного провинциального городка, здесь царили интриги, подсиживания, откровенные и скрытые провокации, зависть, похоть (основанная на расчете), карьеризм...

То есть, всё то, что всегда имеется и прямо насаждается намёками и прямыми указаниями сверху, в любом достаточно большом сборище людей, жаждущих работать поменьше, а получать – побольше. Привет уже древним Римлянам: разделяй и властвуй!

Он вполне привык. И уживался. Разговаривал, передавал-принимал, обсуждал и договаривался – практически на автопилоте: мозг реагировал на все сигналы автоматически, говоря – вот на это – «Да», на это – «Что вы говорите!», на это – «Возможно, только когда-нибудь попозже...».

Но – никогда – «Нет!»

На Востоке *никогда* нельзя никому в лоб отвечать «Нет!»

Прямое неуважение! Если не оскорбление...

– Михаил! А как там у вашего сына с колледжем? Что решили с униформой? – не то, что Леониду было и вправду интересно, введут ли юным юристам форму как у взрослых, или оставят кадетскую, но он знал – если не отвлечь на всякий случай память соседа от его расспросов о старике, отце Рахматилло, позже тот о них может вспомнить. А Леонид инстинктивно чуял, что это может быть важно. И решил подстраховаться. Мало ли!..

Проблем у сына и расходов, связанных с обучением-воспитанием-одеванием оказалось достаточно. Через пять минут Леонид уже жалел, что спросил – Михаил отличался обстоятельностью. Или, проще говоря, занудством. Впрочем, всё сводилось к тому же, к чему всегда – с родителей тянули на всё: ремонт здания, класса, отопления. Учебники, (закупаемые для элитных учебных Заведений за рубежом) столы, наглядные пособия, компьютеры... А теперь – ещё и на униформу.

Единую для всех. Чтобы те, кто «победней» не чувствовали себя «ущемлёнными».

Вскоре подали традиционный чай и сладости. Леонид, погрызая немного чак-чака, что остался на блюде после того, как он «поухаживал» в очередной раз за соседкой, откинулся на спинку стула, и снова обвёл доброжелательным внешне взором коллег.

Как его тошнило от их подобострастных гримас-улыбок в адрес начальства, и делано радушных в адрес остальных коллег. И лицемерных комплиментов – друг другу и «любимому» начальству! И – он был уверен! – большинство мужчин, сидящих здесь, тоже отлично понимали наигранность и гнусность происходящего регулярно ритуала. Но – показывать этого никто не посмеет.

Ни при каких обстоятельствах.

Никогда.

Как и обсуждать откровенно, или скандалить и ругаться.

«Разоблачать и обличать».

Подсигивают на Востоке – только исподтишка!

Большинство стучит друг на друга. И в этом тоже – политика Государственных Учреждений. Здесь все тихо и технично роют под всех, под кого возможно. Не то, чтобы реально желая скovyрнуть с «рыбного» места, а просто так – в силу всё того же менталитета. Не ты – так тебя!..

На востоке положено держать нож за спиной – чтобы в случае, если человек, которому в этот момент можешь даже пожимать руку, дружелюбно улыбаешься, говоришь, как его уважаешь, и т.д., расслабится или отвернётся... Мгновенно всадить этот самый нож в грудь. Да ещё попроворачивать там.

Аллегория, конечно. Вычитанная в старых нарвежских сказках.

Но – сущая правда.

После чая всё завершилось традиционно – приглашённый мулло, начавший корпоратив, и сейчас утиравший жир с пухлых губ, откашлявшись, прочёл ещё одну трёхминутную молитву.

Леонид, хоть и не был мусульманином, сделал вместе со всеми «омин». Михаил, Лариса Дмитриевна, и все остальные европейцы – тоже. Немного же их осталось... А ведь когда-то до восьмидесяти процентов составляли именно они – считалось, что в сложных расчётах и составлении профессиональных Отчётов местное население... Недостаточно ком-

петентно. И сильно проигрывает.

Сейчас Леонид продолжал оставаться уверенным в этом же. Но – молча.

Скандалы, разгоны, переделка документов до пяти раз, стали, скорее, нормой. А вовсе не исключением из правила. А в том, что у специалистов «из местных» мозги и впрямь, заточены только под делание денег, (в случае мужчин) или пускание пыли в глаза соседям, (Это уже про женщин!) Леонид имел возможность убедиться неоднократно.

Самый потрясающий и запомнившийся пример относился к раннему детству.

Отец покупал магнитофон.

Старинный, под компакт-кассеты. Леонид был так мал, что ему всё время приходилось вставать на цыпочки, держась кончиками пальчиков за край прилавка, чтобы не пропустить ничего из этого чудесного и эпохального зрелища.

Для проверки звучания продавщица, миловидная нарвежка средних лет, принесла колонку. Взяла её штекер, с двумя клеммами – плоской и штыревидной – и попыталась засунуть во входное гнездо, вместо выходного. Не получилось. Продавщица посмотрела на штекер – две клеммы: одна плоская, другая круглая, штыреобразная. Посмотрела в гнездо – там *пятиштырьковый* разъём, под шнур усилителя.

И снова начала с силой пытаться засунуть, проворачивая. Леонид разинул рот.

Спас ситуацию и магнитофон отец. Он вежливо (Очень

вежливо и спокойно. Теперь-то Леонид в полной мере мог оценить нервную систему, такт, и большой опыт отца!) забрал шнур и передвинул магнитофон к себе. И вставил штекер туда, куда следовало.

Леонид на всю жизнь запомнил выражение, появившееся на краткий миг на лице продавщицы...

Вот тогда он и оценил в полной мере, как на самом деле нарвежцы относятся к тем, кто умнее их...

Однако они нашли простой выход: держат таких на низкооплачиваемых должностях. И наваливают всю работу, связанную со сложными действиями и расчётами. В самом начале этой кампании даже существовал регламентирующий это дело Документ. И до Леонида дошли слухи, что после того, как одна из сотрудниц некоего Министерства раздобыла ксерокопию этого документа и предъявила её в посольстве БША, ей и семье очень быстро предоставили политическое убежище – как жертве расизма и дискриминации, а сам документ «недоглядевшие» чиновники очень оперативно уничтожили...

«Ведущий специалист» не обольщался: он, Михаил, Лариса и другие – неплохо оплачиваемые рабы. На которых, впрочем, и держится вся работа Учреждения с несколькими сотнями брюхатых самовлюблённых дармоедов. Но сделать с этим что-нибудь...

Вот именно.

После молитвы народ начал расходиться. Леонид попро-

щался со всеми, кто был в пределах видимости, привычно кланяясь, и прижимая левую руку к животу, и щедро раздавая «тёплые и дружественные» улыбки.

Вот и закончено очередное казённое «мероприятие». А хуже такового было только другое, под названием «Выезд на Природу».

Это когда приходилось сидеть на земле, или траве, (На подстилке, само-собой!) снова кушая, и делая вид, что «какой замечательный здесь воздух» и «надо почаще всем сюда выбираться»!

А к концу, когда все мужчины почти не держатся на ногах от выпитого арака, их, как дрова, грузят в автобусы те, кто остался на ногах... После чего многие прямо в автобусах же, от жары и тряски... Скажем так: пачкают проходы и кресла. А иногда – и соседей. Если не догадались заранее очистить желудки в кустах.

Хуже всего оказался последний раз, когда еле стоящие на ногах сотрудники-мужчины решили искупаться – рядом был горный сай. Половина из «окунувшихся» назавтра на работу не вышла – простыли в ледяной воде. И Леониду пришлось работать сверхурочно всю последующую неделю – был как раз очередной отчётный Период...

Домой ехал на метро. Из-за выходного дня оно казалось непривычно пустым. В силу того, что попал не в своё обычное время, увидел работу другой бригады нищих. Если его

«фирменные» просили на хлеб, так как «папа их бросил, а мама в больнице», (хотя Леонид регулярно видел этих «умерших и больных» на конечной станции – они «разгружали» детишек после «рейса») то эти – «на хлебушек маленьким сёстрам и братьям, живущим в Детдомах». (В Детдомах, в помпезно отстроенных и красивых зданиях, действительно, как знал Леонид, жили впроголодь – продукты... куда-то испарялись! И оставалось невероятной Загадкой – откуда их директора, сменявшиеся каждые два-три года, брали средства на строительство коттеджей, и покупку новых машин... Себе.)

А вообще-то, возвращаясь к любимому нищенству в метро и на улицах, оно, как он случайно узнал у знакомого СНБшника, чётко поделено на сферы влияния – каждый клан профессионалов работал жёстко в своём районе, или на своей ветке, на конкретных станциях, и в строго оговорённые часы. Поэтому «самодеятельных чужаков» не было – их отслеживали и «учили» профессионалы. Причём так, что повторять урок желающих не находилось.

Единственное исключение делалось для старушек и инвалидов – им что дети, что взрослые профессионалы никогда не мешали, даже помогали. Такое вот проявление уважения к старости...

Выбравшись из подземки, Леонид решил-таки зайти в Гипермаркет.

Он методично двигался вдоль полок с кричащими упаковками, придирчиво выбирая.

Ага – вот это можно смело взять. Кукси. Этикетка простенькая, сделана явно на обычном ксероксе. Зато цвет теста – жёлтый. Значит, яйца не украли. То есть, похоже, это изделие действительно делали настоящие морейцы. Стало быть, можно будет есть. Он обратил внимание, что взял предпоследнюю пачку. Лежащие с обеих сторон разноцветно-броские, и с хвастливыми названиями горы пачек других местных производителей, оставались почти нетронутыми... Он усмехнулся. Народ стал учёный – дальше некуда!

У кассы Леонид стал свидетелем неприятной сцены.

Дородная пожилая нарвежка в шикарном прикиде, бриллиантах, и толстой золотой цепи, брызжа слюной, орала на маленькую миловидную кассиршу.

Кроткую, запуганную, явно областную, девушку.

Леонид неплохо знал нарвежский, (Ещё бы! Два раза посещал курсы, и сдал обязательный для всех Госслужащих Курс госязыка!) поэтому легко понял, что суть претензий пустяковая – вынимая продукты из корзины клиентки, продавщица нечаянно задела ту локтем. Однако злобная метресса, трясая тремя подбородками, не успокоилась, пока не пришёл главный менеджер, не принёс официальных извинений, и не отрядил «боя» донести покупки оскорблённой до её машины на стоянке, уверив, что её «обидчица» непременно будет уволена.

Девушка к концу сцены только молча сидела, закрыв лицо ладошками.

Леонид отлично представлял себе её чувства: если действительно уволят, да ещё с замечанием в трудовой книжке, что за дисциплинарный проступок – всё! Устроится на работу в Столице практически невозможно.

Значит, все те люди, что сидят сейчас на маленькой хрупкой шее, будут голодать. Не сразу, конечно, а когда кончатся запасы. Но он вполне мог представить все эти взгляды голодных малышей, когда ты не можешь покормить их даже чёрствой лепёшкой из третьесортной муки...

Поэтому он сделал то, чего раньше никогда не делал.

Подошёл к менеджеру, всё ещё что-то сурово вполголо-са втолковывавшему девушке – почти девочке, как он определил вблизи, и вежливо тронул того за рукав высококачественного костюма.

Мужчина резко обернулся – явно не ожидал. Народ же, предпочитавший не соваться «в неприятности», теперь стремился теперь обойти эту кассу стороной.

– Здравствуйте, – вежливо и негромко (Статус!) начал Леонид, – Я ваш постоянный клиент, – он представился, и назвал место работы – знал, это произведёт впечатление. Особенно его должность. Непримянул показать и Служебное Удостоверение – ну как же! Иначе – грош цена его словам! Государственный Герб, оттиснутый на красной корочке обложки, как и фото Леонида в строгом костюме, явно про-

извели впечатление: такие были только у Госслужащих. А с Госслужащими лучше не связываться: себе дороже!

– ... так вот, я совершенно отчётливо видел, как всё произошло. Ваша девушка не виновата. Клиентка сама подвинула корзину, пока девушка перекладывала товар в фирменный пакет. У девушки же нет глаз на затылке... Но я совершенно с Вашей политикой согласен – «Клиент всегда прав!»

А подошёл я потому, что почти всегда прохожу этой кассой. Мукадас (он врал, конечно, и имя успел в последний момент прочесть на нагрудном бейджике) всегда очень вежлива и предупредительна. Не думаю, что что-либо подобное с ней повторится.

Смену выражений на лице менеджера он почти не уловил. Удивительно, но тот, похоже, был рад, что у миниатюрной кассирши нашёлся «постоянный клиент». Однако не «отреагировать» на сигнал он не мог – тоже дорожил своим местом:

– Благодарю вас за подробное разъяснение ситуации, уважаемый... э-э... Леонид! Мы, разумеется, не уволим столь ценного и квалифицированного работника. Но... прошу извинить, и понять меня правильно! – какое-то время девушке придётся отработать на складе.

Леонид с умным видом солидно покивал, они выразили друг другу полное удовлетворение мирным разрешением инцидента, пожали, чуть соприкасаясь пальчиками, руки, и менеджер ушёл.

Мукадас, плечики которой во время их разговора пере-

стали вздрагивать, впервые подняла глаза на неожиданного защитника, и торопливо отерев бегущие ручьём слёзы, провела через «пикалку» пару его покупок. Только когда он забрал карточку, позволила себе чуть слышно выдавить «С-спасибо!» Тут слёзы снова потекли в два ручья. А малышка даже не смела стереть их – иначе размажется дешёвая косметика, и ей опять сделают замечание – за неряшливый вид...

Неловко кивнув, Леонид забрал свой пакет, и быстро двинулся к выходу. Протискиваясь мимо двух громил, проверивших детекторами клиентов, (Без этого – никак! Воровство в Гипермаркетах страшно выросло. А вызывать каждый раз полицию у Хозяина нет никакого резона. Поэтому всех «отловленных» просто мирно раздевали во внутреннем дворе и отправляли домой – в одних трусах. Если таковые имелись! Ну, или ещё – плюс лифчик. И отношение к таким «раздетым» у соседей, или коллег, или просто – окружающих, уже не позволяло вернуться на занимаемый до этого уровень, вынуждая скатываться всё ниже... и ниже... Вплоть до бомжа.) он и сам почти плакал.

От бессилья. И от обиды за полное бесправие бедных девушек – кассирш, продавщиц, уборщиц... Все они – заложники Системы. И рабы Хозяина. Захочет – выгонит. Не захочет... Может потребовать в любой момент, и от любой – выполнить свою прихоть, сиюминутный эротический каприз... Тогда – или прощайся с честью и лицом, или... Голодай. При увольнении хорошего в трудовую книжку уж точно не напи-

шут.

Взгляд, словно у побитой ни за что собаки, преследовал его.

Жаль девушку.

А ещё – хотелось бы придушить ту суку, которая, несомненно знала, что делает.

Что разрушает чью-то судьбу.

Но всё равно – сделала. Только чтобы показать себя. Своё превосходство и уверенность в Будущем. Статус «избранной».

Гнусная тварь. Сразу видно – жена Начальника. У сильного всегда бессильный виноват.

Впрочем, всё могло быть и прозаичней. Позавидовала молодости и красоте. Ведь на такую должность страхулек и неприветливых молчуний не посадят.

Случай оставил неприятный осадок в душе Леонида.

Дома всё равно пришлось принять и успокоительное, и панкреатин, и но-шпу. Чёртов плов никогда не усваивался желудком Леонида так, как в огромных «мамонах» нарвежцев.

Помучившись отрыжкой, он принял и активный уголь. Вот это лекарство всё ещё действовало как надо. В нём же нечего украсть!..

Поняв, что всё равно не уснуть, Леонид не лёг отсыпаться, как планировал вначале, а снова сел к компу. Подключился.

Вот – вчера он недоиграл примерно отсюда...

Через полчаса на лестничной площадке раздался громкий стук и сердитые голоса.

Леонид подошёл к двери – послушать. Ага, вон в чём дело. Соседи с шестого залили соседей с пятого – видать, снова протёк канализационно-сливной трубопровод-стояк. Обычное явление. Видать – кто-то принял ванну, да и спустил всю нагретую воду сразу. Вот ржавый чугун и потёк, словно решето. Сам Леонид мылся по-старинке. Грел кастрюлю, и разбавлял в тазу холодной водой. Десяти литров ему вполне хватало.

Базар-вокзал, с привлечением работников ЖЭК-а и аварийной службы закончился только к пяти вечера. Всё это время Леонид был вынужден терпеть стук перфоратора, вездесущую пыль вскрываемых стен и полов, и вялые перекрикивания аварийщиков и соседей – видать, всё же удалось раскрутить беднягу с шестого на деньги на замену стояка.

Так что хорошо, что не лёг спать. Всё равно не дали бы.

Однако к шести Леонид всё же спёкся. Нагрел воды. Вымылся. Ящик не порадовал. Послonyaлся по квартире, попробовал почитать. Надёжное средство – книга буквально выпала, а глаза слипались, как намазанные клеем.

Он залез в постель, вытянулся. Покряхтел. Завтра – тоже выходной. Хм-м...

А не сходить ли ему в зоопарк?!

В зоопарке Леонид не был лет пятнадцать.

Мысль посетить это, скорее, чисто детское, учреждение, с утра только укрепилась.

Да и почему бы туда не съездить – раннее лето, всё зелено, кое-что даже ещё цветёт. Молоденькие листочки не пропылились насквозь, как будет к августу. Весенние дожди смыли даже привычную серость с неба – вон, солнышко яркое, воздух тёплый. Пушистые облачка...

Он быстро поел. Подумав, накинул пиджак. Взял немного денег.

В метро сразу обратил внимание на новый плакат.

Гигантский баннер занимал всю стену напротив касс: не меньше, чем шесть на три. Огромные буквы на нежно-голубом фоне в лоб предупреждали: «Бдительность – обязанность каждого сознательного Гражданина!»

Неплохо. Старый, уже выгоревший и выцветший плакат с сомнительным (по мнению трезвомыслящего Леонида) утверждением, что «Бдительность – гарантия Безопасности», примелькался настолько, что вряд ли кто на него вообще обращал внимание.

Да и глупо: захоти террористы, это хроническое пугало, тщательно культивируемое и СМИ, и вот такими призывами в общественных местах, действительно чего-то взорвать – никакие «бдительные», но безоружные, граждане их не остановят... Да и взрывали, если честно, последний раз лет... Да, не меньше двадцати назад!

Что не мешало продолжать досматривать пассажиров метро, и регулярно проверять Паспортный режим прямо на дому.

Хорошо, что взял наличных – в кассе Зоопарка нагло ввали, что «нет связи с Банком» и карточки не принимали. Эта отмазка – одна из дежурных. И применяли её иногда и в магазинчиках частников, и даже в госсберкассах, отказываясь принимать за коммунальные платежи по терминалу.

Леонид, зная всю кухню, в таких случаях просто звонил в Контрольную Комиссию (там работал его одноклассник) – надо же и тому дать подзаработать! Машина Проверяющих прилетала куда быстрее, чем пресловутая Скорая Помощь, и через десять минут всё работало, как часы! Никому же не хочется лишиться тёплого места Управляющего, или ещё какого начальничка-хапуги.

Одноклассник потом честно делился с Леонидом десятью процентами полученных отступных – за наводку.

Так что в большинстве таких проколовшихся мест Леонида отлично знали, и ему бодягу про «нет связи», или «завис компьютер» не втюхивали. Себе, как уже упоминалось, дороже.

Вот так в этой стране и устанавливаются «доверительные межличностные отношения»: кто понял, что слабее, всегда будет лизать ...опу победителю! Пусть и тихо ненавидя, и сжимая в кармане рукоять ножа... Но это уже не его проблема!

Однако учитывая воскресенье и мизерную (сравнительно) цену на билет, связываться с администрацией зверинца он не стал. Просто достал наличные. С сожалением глянув на расстроенных и даже ревущих малышей, которых родители привели, но провести внутрь пока не могли, он двинулся по центральной аллее. Даже хорошо, что пока народу мало – к двенадцати, когда сделают вид, что связь восстановлена, и внутрь ввалится толпа, он, возможно, уже уйдёт.

Честно говоря, детей уже хватало и внутри. У Леонида в очередной раз закралось подозрение, что большинство состоятельных родителей водят отпрысков сюда не для того, чтобы показать им зверей, а для того, чтобы показать детей – другим родителям: вот, как хорошо наши одеты! Как отутюжены и начищены. Вот какие сладости и игрушки мы можем позволить себе купить им здесь. Втридорога.

Впечатление это усиливалось тем, что дети, которые явно чувствовали своё привилегированное положение по сравнению с менее обеспеченными, бегали мимо клеток и орали, даже не заглядывая внутрь... Родители же старательно фиксировали зверушек на камеры и айфоны: потом похвастать перед родственниками, пришедшими в гости.

Из обезьянника Леонид выскочил сразу, даже не взглянув на обитателей: уж больно страшный запах царил там. Не удивительно. Уборщицы вместо того, чтобы заниматься делом, мирно трепались у торцевого входа, держа для вида тряпки и вёдра в руках. Поймает начальство – а они как раз собира-

ются начать!.. Примерно так же, впрочем, относились к работе и в других учреждениях все, кого устроили по блату, и «прикрывали». То есть, знакомые и родственники заведующего секцией.

В террариуме остались только черепахи, вараны, да мелкие змеи. Которых можно было кормить и мышами. Леониду рассказывали (Он вначале не верил!) что даже медведей здесь умудряются кормить сеном и старым хлебом. Всё положенное мясо делят между «своими» заведующие. Как и фрукты-овощи, и большую часть круп.

Отдел попугаев не порадовал. Хоть внизу и стояли чашки с натёртыми на тёрке морковью и чем-то вроде яблока, энтузиазма у пернатых обитателей не чувствовалось – видать, опять всё гнилое. Хорошо хоть, зерносмесь нет смысла тащить домой – она лежала в кормушках высокими горками.

Леонид походил вдоль вольеров. Странно. Число видов даже попугаев уменьшилось раза в три по сравнению с тем, что он помнил. Видать, остальные оказались более притязательными к условиям содержания – не выжили.

Он уже жалел, что пришёл сюда. Его начали нагонять шумные толпы визгливых и что-то жующих детей. Они тыкали в зверей и птиц липкими пальцами, и дразнили их. Но куда больше капризничали, кричали, и всячески рисовались перед другими детьми.

Вот, кстати, древнейшая черта местного менталитета, культивируемая с пелёнок: показать, что у тебя – лучше! Что

ты – богаче! Что твой отец (муж, брат, дед и т.п.) – Большая и богатая Шишка!..

В вольерах на открытом воздухе Леониду понравились козы. Они не стеснялись бегать вдоль своей ограды, и выклянчивать подачки. Которые обычно и получали: взрослые совали и куски печений, и фруктов. Дети тоже – стараясь улыбаться, когда родители снимали это на мобильник.

Своего любимца, ветерана ещё старого зоопарка, двадцать лет назад перемещённого из центра столицы сюда, на окраину, пожилого слона, Леонид в вольере не увидел. Да и вообще там было подозрительно пусто и чисто. Придётся спросить.

Смуглый худенький паренёк, вёзший на ручной тележке сено в сторону верблюдов и яков, с трудом изъясняясь, (Ну явно – областной. Не выучил ещё язык «межнационального общения») сказал, что слон сдох. Когда? Судя по поднятым пальцам два дня назад. Неужели...

Да, со своими сорока пятью годами по меркам человека слон тянул на очень пожилого. (Где-то за восемьдесят.) Но – неужели и у слонов болит сердце?!..

Леонид не поленился – прошёл в домик администратора, вызвал врача. А что – он солидный Чиновник. Имеет право. Снова пустил в ход магическую книжечку с Гербом.

Ветеринар, маленькая и почти чёрная, явно тоже областная девушка – скорее, девочка (Ну правильно, все городские – на престижных и «наварных» должностях в больницах и

поликлиниках. А с животных не возьмешь же за укол или свежую простыню!) – с грустью сообщила, что да, слон умер позавчера ночью. Утром нашли уже остывающим. Его списали. То есть, как положено, составили акт о скоропостижной смерти, и списали. От чего умер? Вероятно, от старости. Ему, действительно, было далеко за сорок. Нет, вскрытия, конечно, не делали. Да и зачем?..

И правда – зачем? Ну сдох слон – и сдох. Теперь нового не купят никогда. Нет денег.

Значит, вылепят из гипса муляж. И поставят на Главной Аллее, чтобы борзые детишки могли (За деньги родителей, конечно!) сфотографироваться – как это уже произошло с тигром, львом, медведем, самцом-верблюдом, бегемотом. И многими, многими другими. Как по гипсовым, ярко разри-сованным статуям – с засаленными пятнами потёртостей в тех местах, куда приходились детские маленькие задки, видел Леонид.

Медленно двигаясь мимо вольеров с водоплавающими, тоже, кстати, жутко вонявшими застойной грязно-бурой водой, (Само-собой, что в центре Города «дурно пахнувший» Зоопарк явно не «вписывался» в Великодержавный имидж!) Леонид уже почти не смотрел на всех бакланов-уточек-гусей. Смутное ощущение, что он чего-то упустил, не покидало его. Может, это та самая мысль, что ушла в подсознание в полудрёме, так и оставшись непонятой?..

Комната с бабочками оказалась рядом с выходом. Ну, ба-

бочки были уже препарированы – то есть, их кормить и ухаживать нужды не было. Вот только цвета повыгорели... А огромные тараканы из экзотических стран Леонида не привлекали – своих, мелких и неистребимых, хватает.

Аквариум с рыбами ещё раз доказал то, что он видел у попугаев: видовой состав снизился раза в три. Пустующие ёмкости заполняли теми, кто выжил. И даже размножился... Да и вообще, местное население смотрит на всё плавающее-летающее-ползающее сугубо прагматично. Одна из матерей так и сказала мужу, рассматривая какого-то из экзотических усатых сомиков:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.